

Е. Л. Сараева

«Индивидуализм» В. Г. Белинского в интерпретации Иванова-Разумника

В статье осмыслено воззрение русского историка начала XX в. Иванова-Разумника на эволюцию социально-этических взглядов В. Г. Белинского, ставшего «глашатаем» идей идеалистов круга Станкевича и западников-реалистов 40-х гг. XIX в. В статье характеризуются ментальные представления Белинского о взаимоотношениях личности с обществом. Актуализированы мысли Иванова-Разумника о специфике этического индивидуализма «московских философов» 30-х гг., раскрывается его содержание, черты философской модификации романтического образа, созданного в кругу Станкевича. Дан анализ дискурса «московских романтиков» – членов кружка Станкевича, выявлены особенности и последствия их «воспитания в идеализме», причины переосмысления романтической культуры. Исследуются идеи Иванова-Разумника о влиянии гегелевских идей о действительности на восприятие Белинским российских реалий, раскрывается его мнение об ошибочности трактовки критиком гегелевской мысли о «разумности действительности». В статье объяснены идеи Иванова-Разумника о сущности «восстания» Белинского против Гегеля в русском его понимании в начале 40-х гг., о пересмотре критиком его взглядов на «Общее». В статье дана презентация мыслей Иванова-Разумника о сущности индивидуалистического мировоззрения Белинского в 40-е гг., об особенностях трактовки критиком идей социализма. Приведены доказательства Ивановым-Разумником истинного гуманизма идей Белинского. Доказывается, что созданная Ивановым-Разумником концепция развития русской мысли, недооцененная в исторической литературе, отличается высокой научностью, глубиной анализа поставленных проблем.

Ключевые слова: Иванов-Разумник, Россия, история, интеллигенция, В. Г. Белинский, западники, личность, «идеалисты» 30-х гг. XIX в.

Е. L. Saraeva

V. G. Belinsky's "Individualism" in Ivanov-Razumnik's Interpretation

In the article a view of the Russian historian of the beginning of the XX century Ivanov-Razumnik on evolution of social and ethical views of V. G. Belinsky who became "a herald" of ideas of idealists of the circle of Stankievich and Westerners-realists of the 40-s in the XIX century is comprehended. In the article Belinsky's mental ideas of relationship of the personality with the society are characterized. Ivanov-Razumnik's thoughts about specificity of ethical individualism of "Moscow philosophers" in 30-s, its contents, lines of philosophical modification of the romantic image created in Stankievich's circle are revealed. The discourse analysis of "Moscow romantics" – members of Stankievich's circle is given, features and their consequences of their "education in idealism", reasons of reconsideration of romantic culture are revealed. Ivanov-Razumnik's ideas about influence of Hegel's ideas about reality on Belinsky's perception of the Russian realities are investigated, his opinion about impropriety of the treatment by the critic of Hegel's thought about "reasonableness of reality" is revealed. In the article are explained Ivanov-Razumnik's ideas about the essence of Belinsky's "revolt" against Hegel in his Russian understanding in the beginning of the 40-s, about revision by the critic of his view at "General". In the article the presentation of Ivanov-Razumnik's thoughts about the essence of Belinsky's individualistic outlook in 40-s about features of treatment by the critic of socialism ideas is given. Ivanov-Razumnik's proofs of true humanity of Belinsky's ideas are presented. It is proved that the concept of development of the Russian thought made by Ivanov-Razumnik is underestimated in historical literature, and it differs in a high scientific character, depth of the analysis of the put problems.

Keywords: Ivanov-Razumnik, Russia, history, intellegentsia, V. G. Belinsky, Westerners, a personality, "idealists" of the 30-s in the XIX century.

Создание интеллектуальных сообществ в России 30–40-х гг. XIX в. ускорило формирование концепций развития общества, осмысление тенденций его эволюции, взаимоотношений личности с социумом и властью, идейно-нравственных основ их жизнедеятельности. Русская мысль этих десятилетий имела широкую социокультурную проблематику. Взаимоотношения личности и общества получили концептуализацию в текстах В. Г. Белинского. Контекстуальность анализа Белинским социокультурных и эстетических проблем – характерная черта его произведений, по-

зволяющая реконструировать его систему идей. Иванов-Разумник назвал Белинского «глашатаем» [3, с. 309] «московских философов» 30-х г. и одним из ярких представителей западничества 40-х гг.

В воззрении на личность, выработанном в кругу Станкевича, историк отметил «два его основные момента: во-первых, его **крайний этический индивидуализм** и, во-вторых, его **крайнее антимищанство**» [3, с. 313]. Иванов-Разумник представил основные *этические идеи* Белинского середины 30-х гг., сложившиеся в период его

фихтеанства 1836–1837 гг.: единственной реальностью является внутренняя жизнь в духе, индивидуальное «я», все остальное, то есть эмпирическая действительность, понимаемая как «внешняя жизнь», – мираж. Русские фихтеанцы создали идеал жизни «абсолютной», «внутренней». Принцип этического индивидуализма русских фихтеанцев – «человек – самоцель». Они усвоили идею Фихте: «мысли и действуй согласно своей индивидуальности» [3, с. 314].

А. И. Герцен объяснял «воспитание в идеализме» не только увлеченностью романтической литературой, но и счастливым отчуждением от жизни общества, которое не соответствовало их идейному творчеству, дававшему блаженство, сознание умственного величия. «Мы были велики и сильны, даже счастливы в нашей отчужденности, в нашем теоретическом блаженстве...» [2, с. 35]. Уход в мир философских идей Герцен позднее назвал погружением в искусственную жизнь, а идеалистов, мысливших философскими категориями, «философскими монахами». Аналогичную интерпретацию причин создания идеала личности дал Белинский. Кружок, более похожий на необитаемый остров, был оторван от действительной жизни общества [1, т. 9, с. 381]. Создание кружка Станкевича отвечало потребностям интеллектуально-нравственного развития молодых людей. «...Непосредственно поняли мы, что в жизни для нас нет жизни, а так как, по своим натурам, без жизни мы не могли жить, то и ударили со всех ног в книгу и по книге стали жить и любить». «Ища исхода, мы с жадностью бросились в обаятельную сферу германской созерцательности и думали мимо окружающей нас действительности создать себе очаровательный, полный тепла и света мир внутренней жизни» [1, т. 9, с. 480–481].

Другую причину выхода «из естественного быта» Герцен видел в свободе теоретических исканий, которая завела в сторону от жизни. Повторяя неоднократно, что односторонность вредна, он считал отказ от искусственной жизни и обращение к решению практических вопросов плодотворным путем.

Жизнь идеалистов 30-х гг. сосредоточивалась на «теоретическом блаженстве», изучении концепций, идеи которых они хотели перенести в жизнь. В своем стремлении к идеалу романтики видели себя великими и сильными. Но погружение в мир идей привело к отчуждению от реальности. «...Разрыв с практическими сферами сделался страшный...» [2, с. 35]. Герцен оценивал идеализм как историческую болезнь, от которой люди обязательно вылечатся.

Романтический идеал, созданный Станкевичем и его друзьями в середине 30-х гг., включал в себя такие составляющие, как побуждение преодолеть эгоизм и посвятить свою жизнь реализации своих высоких идеалов, желание совершить подвиг во имя счастья других людей, поиск абсолютной истины и воплощение ее в своей жизни. Они были убеждены, что человек должен нести людям любовь и добро, воспринимая любовь как высший закон, воспитание чувства долга.

Влияние гегельянства на ментальность друзей Станкевича проявилось в постановке проблемы «действительности», считал Иванов-Разумник. «Действительность» в конце 30-х гг. понималась кружком Станкевича «в крайне отвлеченном, идеалистическом смысле» как сфера проявления Абсолютного Духа, мирового Разума. По мнению Иванова-Разумника, только Белинский, «философский путь» которого разошелся с теоретическими воззрениями его друзей по кружку с конца 30-х гг., воспринимал «действительность» как эмпирические реалии.

Характеризуя влияние гегельянства на развитие ментальности Белинского, Иванов-Разумник сделал вывод, что критик, благодаря гегелевской идее действительности, хотя он ее и не понял, разорвал с отвлеченной мыслью и повернул к «реалистическому мировоззрению» [3, с. 321–322]. Историк назвал взгляды Белинского конца 30-х гг., в период его «гегельянства», социологическим антииндивидуализмом, проявившимся в признании критиком права общества поработать личность [3, с. 322].

И все же, признавал Иванов-Разумник, Белинский «щадил» личность. Историк считал значимым взгляд Белинского на решение *проблемы взаимоотношений личности и общества*. Иванов-Разумник считал, что Белинский, вслед за Фихте, отстаивал право человека на индивидуальное саморазвитие, совершенствование, право руководствоваться личными потребностями: «...всякий человек есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пункт всех его действий и необходимое условие его действительности. Как особность, он стремится к своему личному удовлетворению...» [1, т. 2, с. 132].

Мы полагаем, что Белинский не только усвоил идеи Фихте и Канта о личности, но и сам участвовал вместе с друзьями в выработке воззрения на личность. Суть его он выразил в следующей мысли: «Всякий человек есть сам себе цель, и жизнь дана ему как удовлетворение, как счастье, как блаженство, к которым, следовательно, он имеет полное право стремиться,сообразно с

своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носит он таинственный и бесконечный мир, полный желаний, порывов, стремлений, страданий и радостей, и только чрез удовлетворение этого своего мира может он достигнуть счастья. Это мир внутренний, мир *субъективный* человека, сфера, в которой он сам себе цель и, кроме себя и личного своего удовлетворения, имеет право никого и ничего не знать» [1, т. 2, с. 132]. Человек, отрешившийся от общества, теряет всякое значение в собственных глазах, остается без почвы, писал в эти годы Белинский.

1837–1838 гг. были переходными в развитии русской мысли от философского идеализма к реализму.

1840 г. – время «решительного разрыва Белинского со всем наследием тридцатых годов», утверждал Иванов-Разумник. Отказ Белинского от примирения с российской действительностью Иванов-Разумник связывал с переездом критика в Петербург и более близким соприкосновением с реальной действительностью. Белинский сам неоднократно писал, что Питер заставил его пересмотреть свое прежнее воззрение. «В Петербурге, с необитаемого острова я очутился в столице, журнал поставил меня лицом к лицу с обществом, – и богу известно, как много перенес я!» [1, т. 9, с. 381]. Суть изменения ментальности Белинского Иванов-Разумник определил как «*восстание против Гегеля, против “разумной действительности”, против примата абстракции над реальностью, начало борьбы за реальную личность человека*, которую он ранее сам принес в жертву теории» [3, с. 331–332]. Хорошо зная тексты Белинского, историк отмечал, что в письмах к друзьям критик и раньше, в 1837 г., убежденно проповедовал права реального человека. В 1837 г. Белинский писал, что не может смириться с тем, что для Бакунина «идея... дороже человека» [3, с. 331]. Белинский писал В. П. Боткину в декабре 1839 – феврале 1840 г.: «Права личного человека так же священны, как и мирового гражданина... кто на вопль и судорожное сжатие личности смотрит свысока, как на отпадение от общего, тот или мальчик, или эгоист, или дурак, – а мне тот, и другой, и третий равно несносны» [3, с. 331].

Иванов-Разумник обратил внимание на различия в идеях, развиваемых Белинским в начале 1840 г. в письмах и статьях. Если в журнальных публикациях критик в это время еще писал о примате «Общего» над личностью, то в частной переписке, посвященной осмыслению своей жизни, себя как личности, он уже утверждал

ценность человека как высшей идеи. Что обусловливало эти различия? Полагаем, что контекст мысли влиял на осознание критиком идеи человека и его связи с обществом. Белинский в публицистических статьях раскрывал общественные проблемы в теоретическом и конкретно-жизнейском ракурсах. Проповедуя необходимость философского осмысления всех явлений действительности, он трактовал социальные отношения в рамках немецкой философии. В письмах к друзьям рефлексия на тему межличностных отношений побуждала Белинского защищать достоинство и права близких ему людей и свою честь. По мнению самого Белинского, он не мог мыслить исключительно отвлеченными категориями, отрешаться от реалий своего времени, жить в мире абстрактных идей. Явления действительности, искусство, жизнь помогали ему сознавать ценность личности. Он писал об этом Боткину в феврале 1840 г.: «Ты пишешь, что у меня такая же способность отвлечения, как у Мишеля: так да не так, я резонер и рефлексивщик, правда – но зато, как скоро представляли перед меня дивные явления действительности, в искусстве и жизни, я посылал к черту свою рефлексию и никогда не менял *человека на книгу*» [1, т. 9, с. 329]. В межличностных отношениях Белинский ценил достоинство свое и друзей. Осознание своего «Я», смысла своей жизни, своего назначения было главной темой рефлексии Белинского и других членов круга Станкевича. Проблематика личности была главной в их идейных поисках. Размышляя о конкретных обстоятельствах жизни и своих интересах, предпочтениях, они ценили личность.

Иванов-Разумник по письмам Белинского 1840 г. к Михаилу Александровичу и его брату Николаю Александровичу Бакуниным и Василию Петровичу Боткину проследил преодоление критиком «заблуждения» по вопросу о примате «Общего». Историк верно утверждал, что «глубоко индивидуалистическая натура» Белинского побуждала его пересмотреть свой взгляд на «Общее»: «...в глубине сознания Белинского борьба уже началась, и чем дальше, тем для него яснее, что примат общего над индивидуальным и абстрактного над реальным был случайным заблуждением, коренящимся еще в теориях философского романтизма, – заблуждением, по крайней мере, для глубоко индивидуалистической природы Белинского» [3, с. 332]. Иванов-Разумник привел мысли Белинского об «Общем» и человеке из письма критика к Боткину, написанному в феврале 1840 г.: «О, пропадай это ненавистное общее, этот молох, пожирающий жизнь, эта гре-

мушка эгоизма, самоосклабляющегося в нем!» [1, т. 9, с. 328]. «Общее» в сознании Белинского не имело определенного содержания, ассоциировалось с пустотой, эгоизмом [1, т. 9, с. 329]. В 1841 г., раскрывая свое понимание гегелевской мысли о субъекте и общем, Белинский трактовал субъект как средство для выражения общего: «Субъект у него не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом, ибо, пощеголяв в нем (в субъекте), бросает его, как старые штаны» [1, т. 9, с. 443]. Термин «Общее» в текстах Белинского имел значение «объективного мира».

Понятие «Общее» в 1840 г. получило в дискурсе Белинского новую трактовку. Не желая воспринимать «Общее» лишь как философскую категорию и абстракцию, Белинский конкретизировал это понятие, находя общее в частных явлениях, в реальной жизни, прежде всего в дружбе. Он писал, что если в дружбе, «в этом частном явлении есть *общее*, – то я благоговею пред этим общим и поклоняюсь ему. (...) Я чувствую, что могу любить *невидимого* бога только в *видимых* явлениях. К этому у меня есть убеждение, что я не могу не увидеть бога ни в одном явлении, где только он является. Вся жизнь моя есть оправдание этого убеждения: я увидел Станкевича и полюбил бога, увидел твоих сестер и полюбил бога...» [1, т. 9, с. 347]. Смерть Станкевича 25 июня 1840 г. в Италии вызвала у Белинского размышления о вечном «Общем», равнодушном к частному, конкретному – живому человеку: «Что такое общее? (для познания которого Станкевич жил и умер вдали от нас)? Молох, пожирающий собственные создания, Сатурн, пожирающий собственных чад» [1, т. 9, с. 395]. Тогда же в письме к Боткину Белинский противопоставил «Общее» индивидуальному, отмечая бессилие человека перед «Общим»: «Общее – это палач человеческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его служишь ему невольной» [1, т. 9, с. 390]. Контекст представления Белинского об «Общем» в этом письме – мысль о законах мира, подчиняющих себе человека.

Таким образом, *обращение к философии Гегеля в 1837 г.* помогло друзьям Станкевича понять, что духовными ориентирами человека должны быть не идеальные образы и абстрактные идеи, а интеллектуально-нравственные цели, достижимые в *реальной действительности*. Идеи Гегеля помогли друзьям Станкевича осмыслить идею действительности. А переосмысление идеи Гегеля об «Общем» привело их к утверждению цен-

ности личности. В 40-е гг. Белинский писал, что убеждения и чувства человек должен черпать не из своих фантазий, а из действительности, соотносить их с реальной жизнью, ее запросами и возможностями. Человек должен стоять на почве действительности.

Идейный поиск в кружке Станкевича в 30-е гг. Белинский назвал «игрой в понятия». В *40-е гг.* он хотел *«говорить о жизни»*, а не заниматься изучением философии [1, т. 9, с. 390–391]. Отказ Белинского дальше изучать немецкую философию и осмысливать действительность в ее контексте Иванов-Разумник назвал «бунтом против Гегеля». Историк сделал очень важное уточнение: это был разрыв с гегельянством в русском его понимании [3, с. 333]. Иванов-Разумник, скорее всего, имел в виду то, что Белинский критически оценивал отдельные идеи Гегеля не с философских позиций. В 1840 г. Белинский воспринимал философию как «сухое резонерство», мешающее осознанию жизни. Он заявил в письме Боткину, что философия ему чужда и ненавистна. Со всей своей душевной энергией Белинский отрекся от прежнего увлечения философией как наукой, открывающей истину [1, т. 9, с. 339]. Но познание истины для Белинского было по-прежнему необходимо. В 40-е гг. Белинский не стремился «философствовать» – осмыслять российскую действительность в контексте идей немецких мыслителей. Он выработал систему нравственных и социальных ценностей, следование которым позволяло ему искать ответы на проблемы развития личности и общества.

Идея *действительности* – одна из основных в творчестве Белинского начала 40-х гг. Какие изменения претерпела эта идея в сознании критика? Иванов-Разумник считал, что идея действительности, воспринятая Белинским из философии Гегеля, была неверно понята критиком, или он недостаточно знал Гегеля [3, с. 333]. Историк писал, что Белинский ошибался, произвольно отождествляя «разумную действительность» с реальной действительностью, «а затем с исторической необходимостью и, наконец, даже с обыденностью» [3, с. 333]. Критик увидел ужас российской действительности и заявил, что «всякая российская действительность – неразумна» [3, с. 333]. Иванов-Разумник выявил различия в понимании Белинским действительности в 30-е и 40-е гг., показал изменение смысла этой идеи: «Итак, от “пошлой действительности” фиктеанства к “разумной действительности” гегельянства, а отсюда к “гнусной действительности” эпохи официального мещанства – вот путь, совершенный Белинским в три – четыре года...» [3,

с. 334]. В письмах к Бакунину и Боткину 1840 г. критик толковал о своем новом понимании *действительности как повседневности*: «...я примирился с повседневной действительностью» [1, т. 9, с. 340]. У каждого человека свои жизненные обстоятельства, своя действительность, писал Белинский Бакунину: «...моя действительность – не твоя...» [1, т. 9, с. 340].

Иванов-Разумник интерпретировал мысль Белинского о его борьбе с пошлой российской действительностью как переход критика в оппозицию к официальному мещанству и его детищу – мещанству этическому. Эту борьбу «с неразумной действительностью» историк определял как «центральную задачу» Белинского, содержание которой – «борьба за человеческую личность» [3, с. 334]. *Пошлая действительность – среда, в которой гибнет все благородное и человеческое. Защищая личность, Белинский восстал против общества*. «Для меня теперь *человеческая личность* выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века!» [1, т. 9, с. 403]. Эту знаменитую мысль Белинского Иванов-Разумник трактовал как «высшее проявление социологического индивидуализма во всей русской жизни и литературе XIX в.; она характерна как вступление к 40-м гг. и к направлению западничества, одним из признанных родоначальников и вождей которого стал Белинский» [3, с. 334]. Не имея личных врагов, Белинский выделял «врагов общественного добра». Неприятие им пошлости, гнусности общественных отношений было настолько сильным, что в частном письме к Боткину он, давая волю своим эмоциям, выражал готовность помочь негодяям повеситься: «Пусть вывалятся из них кишки, и пусть повесятся они на собственных кишках – я готов оказать им последнюю услугу – расправить петли и надеть на шею» [1, т. 9, с. 430].

Эмансипация общества от предрассудков и норм, препятствующих свободному развитию личности и утверждению гуманизма, – задача духовной элиты, способствующей своим нравственным влиянием на людей утверждению идеи «очеловечения человека», так можно интерпретировать социально-этические цели деятельности Белинского-реалиста. В адвокаты человечества, личности Белинский выбрал благородного Шиллера [1, т. 9, с. 403]. Шиллер стал «богом» и «кумиром» Белинского в начале 40-х гг., потому что являл собой «высший и благороднейший... идеал человека». В начале 40-х гг. Белинский разделял взгляды немецкого поэта на развитие личности. Критик писал, что он во всем является последователем Шиллера – «кость от костей его,

плоть от плоти его» [1, т. 9, с. 429]. Идеи человечности, гуманности примирили Белинского в 1841 г. с Фихте, став центральными в дискурсе критика в 40-е гг. «Пророками человечности (гуманности)», «провозвестниками царства божия на земле», «жрецами вечной любви и вечной правды» назвал Белинский Фихте и Шиллера [1, т. 9, с. 458].

Иванов-Разумник справедливо утверждал, что Белинский вел борьбу с «официальным мещанством», ограничивающим свободу человека. Знаменитую триаду С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» Белинский назвал «кутьей, кнутом и матерщиною» [1, т. 9, с. 467]. Белинский в переписке с иронией и горечью писал, что власть поощряла доносы, ужесточила цензуру, поддерживала журналистов, проповедовавших уваровские идеи православия, самодержавия и народности, и авторов книг, доказывавших, что влияние Запада на Россию вредно: «...цензура, верная воле Уварова, марает в “Отечественных записках” все, что пишется в них против Булгарина и Греча. Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от гибельного влияния лукавого Запада – делается до того православною, что пахнет мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних доносов, до того народною, что не выражается иначе, как по-матерну. Уваров торжествует и, говорят, пишет проект, чтобы всю литературу и все кабаки отдать на откуп Погодину» [1, т. 9, с. 476]. Официальная установка «Запад гниет», которую должны были воспринять русские литераторы и журналисты и в этом случае получить покровительство свыше, по мнению Белинского, позволяла откеститься от либеральных политических идей. В действительности, считал критик, Франция вела борьбу за свободу, а пруссаки требовали конституции и решали религиозный вопрос о личности [1, т. 9, с. 476]. Упование власти на православие, по мысли Белинского, объяснялось ее стремлением мотивировать необходимость смирения подданных, ведь Бог «любит смиренных и противится гордым» [1, т. 9, с. 476]. Национальная риторика официальной идеологии, утверждал Белинский, позволяла власти утверждать, что самобытность важнее универсальных идей свободы, просвещения, цивилизации. Верноподданные должны верить и писать, что «национальность выше образования, просвещения, истины и свободы». С точки зрения «уваровцев», лучшими темами журналистов должны быть особенности русского быта и культуры: «щи, борщ, буженина и вареники» [1, т. 9, с. 477]. В

круг услужливых проповедников уваровской триады критик включал Погодина, Шевырева, Булгарина, Греча, Загоскина, Бурачка, Ф. Н. Глинку. Пассивно-созерцательное отношение к жизни, невосприимчивость к новым идеям Белинский сравнил с поведением рыб: «...люди живут, а рыбы созерцают и читают книжки, чтобы жить совершенно напротив тому, как написано в книжках» [1, т. 9, с. 477].

Иванов-Разумник мысли Белинского о самоценности личности характеризовал как социологический и этический индивидуализм, повлиявший на развитие мировоззрения Достоевского и Михайловского [3, с. 335].

По мнению Иванова-Разумника, 1840–1848 гг. – новый и последний период в идейной жизни Белинского, главной чертой которого стала проповедь социологического и этического индивидуализма, окончательный разрыв с религиозным романтизмом и иррационализмом [3, с. 335–336]. Мировоззрение Белинского 40-х гг. Иванов-Разумник характеризовал как рационалистическое. Историк считал верной мысль Герцена о том, что к рационализму Белинский пришел путем переосмысления идей Гегеля: «От гегельянства у него остались только внешние формы, но в формы эти было влито отнюдь не гегельянское содержание» [3, с. 336]. Однако рационализм Белинского отличался от мировоззрения типичных рационалистов-шестидесятников, поскольку для критика всегда была важна индивидуальность личности, такую отличительную черту ментальности мыслителя 40-х гг. выделил Иванов-Разумник. Белинский признавался, что «созерцание» личности все же не позволило ему понять ее сущность.

Интерпретация мировоззрения Белинского как реалистического побудила Иванова-Разумника определить *содержание понятий «реализм» и «номинализм»*. Историк пояснил, что необходимо, прежде всего, раскрыть смысл этих терминов в философских концепциях. Гегельянство приписывает высшую и исключительную реальность общим идеям. Иванов-Разумник в этой работе уточнял, что в его понимании реализм и номинализм как философские категории имеют тождественное содержание – *признание реальности индивидуального*: «...под реализмом как философским термином, не психологического, а метафизического порядка, мы понимаем прежде всего признание реальности индивидуального, то есть не противопоставляем реализм номинализму, а напротив, сближаем оба эти термина. В этом случае реализм, как понятие метафизическое, и реализм, как концепция психологическая,

в нашей терминологии будут взаимно дополнять друг друга» [3, с. 336–337]. «Номинализму» Иванов-Разумник противопоставлял *«идеализм»*, под которым понимал «признание исключительной реальности за общими идеями». Понимание идеализма в метафизическом смысле позволяло Иванову-Разумнику ранее говорить об идеалистах 30-х гг. А «идеализм как термин психологический и будет именно тем, что мы условились называть романтизмом, или наоборот – романтизм как термин метафизический, мы отождествляем с идеализмом» [3, с. 337].

Сущность эволюции взглядов Белинского в начале 40-х гг. от романтизма к реализму Иванов-Разумник понимал как переход «от признания реальности Общего к признанию реальности индивидуального» [3, с. 337]. Белинский впервые в русской литературе «пришел вполне сознательно к философскому индивидуализму», не впал в ультраиндивидуализм, крайний реализм [3, с. 337–338]. Историк привел выборку идей критика из его писем к друзьям и статей, опубликованных в 40-е гг. Он доказывал, что Белинский развивал мысль о невозможности существования общего без индивидуального. «Общее без особого, индивидуального, действительно только в чистом мышлении, а в живой, видимой действительности оно – ...мертвая мечта» (письмо Белинского к Боткину 8 сентября 1841 г.; «идея без явления, общее без обособления индивидуальности и личности суть признаки») («Общий взгляд на народную поэзию», 1841–1848) [3, с. 338].

Мировоззрение Белинского 40-х гг. Иванов-Разумник интерпретировал не только как «философский», но и как «социологический индивидуализм» [3, с. 338]. И в социальном контексте Белинский, утверждал Иванов-Разумник, не «ударился» в крайний индивидуализм, а развивал идею восполняющего значения общества для индивидуальности: «Общество не ограничивает, а пополняет собою личность – эта основная тема статьи Белинского об “Очерках Бородинского сражения” целиком перешла и в последний период деятельности Белинского» [3, с. 339]. Внимательно прослеживая решение Белинским проблемы «личность – общество», Иванов-Разумник выделил только один непродолжительный период в идейном развитии критика, когда тот в 1840 г. разорвал с былым антииндивидуализмом. В 1840 г., пояснял историк, Белинский «не знал, на что опереть ту самую личность, которая для него стала выше общества и человечества...» [3, с. 339]. Но в дальнейшем Белинский был глубоко убежден в том, что «только общество есть реальная почва для развития личности, что только взаимная связь

личностей может способствовать восполнению каждой из них отдельно», так интерпретировал Иванов-Разумник идеи Белинского о взаимозависимости человека и социума на «реалистической почве социальности» [3, с. 340–341]. Опасаясь, что общество подавит личность, Белинский акцентировал идею «неприкосновенности личного достоинства». По мнению Иванова-Разумника, Белинский был сторонником «синтеза личности и общества» [3, с. 342].

Наиболее яркую формулировку принципа этического индивидуализма, по мнению Иванова-Разумника, критик дал в седьмой статье о Пушкине: «Один из высочайших и священнейших принципов истинной нравственности заключается в религиозном уважении к человеческому достоинству во всяком человеке, без различия лица, прежде всего за то, что он – человек» [3, с. 344].

Таким образом, Иванов-Разумник определил роль Белинского в русской мысли как «творца этико-социологического мировоззрения» [3, с. 359]. Согласно Иванову-Разумнику, в 30-е гг. Белинский сформировался как «философский романтик в литературе». Этический индивидуализм «московских философов», в том числе Белинского, сформировался под влиянием Фихте, отмечал Иванов-Разумник. В кружке Станкевича произошло становление типа русского романтика 30-х гг., черты которого – стремление к духовному совершенствованию, подвигу, высокому идеалу, саморефлексия, абсолютизация внутренней жизни, разрыв с реальным миром, уход в мир философско-этических идей, «погружение в философские монахи».

Анализируя решение Белинским проблемы «действительности» под влиянием Гегеля, Иванов-Разумник объяснил причины восприятия критиком разумности действительности в конце 30-х гг., а затем исследовал обстоятельства его «восстания» против немецкой философии в начале 40-х гг. Историк полагал, что протест Белинского против «Общего», примата абстракций был борьбой за реальную личность. Иванов-Разумник раскрыл наполнение термина «действительность» в текстах Белинского: в 40-е гг. критик идентифицировал действительность с повседневностью. Историк писал, что переосмысление идеи Гегеля об «Общем» и действительности привело русских идеалистов к утверждению ценности личности.

Идейную эволюцию Белинского в начале 40-х гг. Иванов-Разумник характеризовал как выра-

ботку реалистического мировоззрения. Он связывал формирование нового типа культуры с акцентуацией Белинским социальных проблем. В начале 40-х гг. Белинский верил в возможность решения социальных задач в контексте утверждения социалистической модели развития общества. Спецификой социалистического воззрения Белинского, утверждал Иванов-Разумник, был этический индивидуализм, стремление защитить права и достоинство личности путем введения социализма. Белинский не разделял идей казарменного социализма, к такому выводу пришел Иванов-Разумник, восставал против подчинения личности обществу. В последние годы жизни, отказавшись от мифа о социализме как модели социального равенства, Белинский, оставаясь на почве реальности, стал глашатаем идеи достоинства личности.

По мнению Иванова-Разумника, в 40-е гг. Белинский был самым яростным противником обезличивающего «официального мещанства». Наиболее значимой идеей Белинского-реалиста стала мысль о независимости личности, утверждал историк. Ментальность Белинского в 40-е гг. Иванов-Разумник характеризовал как «социологический и этический индивидуализм».

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1982.
2. Герцен, А. И. С того берега [Текст] / А. И. Герцен (1847–1850) // Герцен, А. И. Былое и думы [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 6. – С. 7–144.
3. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли [Текст] / Иванов-Разумник : в 3 т.; подготовка текста, послесл. и примеч. И. Е. Задорожнюка и Э. Г. Лаврик. – М.: Республика; ТЕРРА, 1997. – Т. 1. – 416 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belinskij, V. G. Sbranie sochinenij: v 9 t [Tekst] / V. G. Belinskij. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1982.
2. Gertsen, A. I. S togo berega [Tekst] / A. I. Gertsen (1847–1850) // Gertsen, A. I. Byloe i dumy [Tekst] / A. I. Gertsen. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1973. – T. 6. – S. 7–144.
3. Ivanov-Razumnik. Istoriya russkoj obshhestvennoj mysli [Tekst] / Ivanov-Razumnik: v 3 t.; podgotovka teksta, poslesl. i primech. I. E. Zadorozhnyuka i E. G. Lavrik. – M.: Respublika; TERRA, 1997. – T. 1. – 416 s.